

М.В. Минц

Православный обряд и жизненный цикл русских глазами ученого-мусульманина

Долгие годы о египетском профессоре Санкт-Петербургского Университета шейхе Мухаммаде 'Аййаде ат-Тантави ничего не было известно в нашей стране. Только в 20-е годы XX века российский ученый академик Игнатий Юлианович Крачковский занялся подробным исследованием жизни и личности этого выдающегося преподавателя кафедры арабского языка. Опираясь на найденные рукописи, свидетельства сослуживцев Тантави [Григорьев, 1870, с. 252–254; Веселовский, 1879, с. 133–134] и другие документы, он занялся описанием рукописного наследия Тантави, анализом его научного и литературного творчества. О труде арабского ученого «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую» («Описание России») И. Ю. Крачковский писал следующее: «Это – одно из немногих, быть может, единственное сочинение Тантави, которое заслуживает специального исследования; только такое исследование даст возможность вполне оценить его значение» [Крачковский, 1929, с. 72].

Рукопись, хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, до сих пор не переведена полностью на русский язык. Небольшие фрагменты перевода приведены в тексте кандидатской диссертации арабской исследовательницы М. М. А. Реда, посвященной рукописи «Описание России» как памятнику арабской литературы XIX в. [Реда, 1984]. Культурологический анализ произведения Тантави мог бы показать особенности уникального свидетельства о русской культуре XIX века, сделанного не просто носителем, но и ученым хранителем египетской мусульманской культуры.

Рукопись-автограф этого сочинения сохранилась в одной из стамбульских мечетей (Риза Паша в Румели Хисар). Копия данного сочинения, сделанная, скорее всего, неким турком, по счастливой случайности в 1927 г. попала в руки И.Ю. Крачковского. Впоследствии, получив и второй экземпляр рукописи (о нем речь пойдет ниже), Крачковский назвал данную первую рукопись «стамбульской». Современный шифр

этой копии Кр. 49 (она хранится в Российской Национальной библиотеке (РНБ) в Санкт-Петербурге)¹. Но на этом моменте история самой рукописи не заканчивается, т.к. в начале осени 1928 года в руки И. Ю. Крачковского попал второй экземпляр рукописи «Описание России». Открыт он был молодым семитологом А. Я. Борисовым у одного букиниста на проспекте Володарского и подарен Крачковскому².

Эта рукопись имеет наибольшую ценность, так как является автографом Тантави. Скорее всего, эта рукопись, которая именуется «ленинградской», была черновым экземпляром. В ней значительное количество поправок или изменений на полях к отдельным словам, много позднейших вставок и дополнений. При сличении со «стамбульской» рукописью становится понятно, что почти все поправки и дополнения внесены в основной текст.

Текст наполнен комментариями к истории русских, климату и географии России XIX века, повседневной бытовой жизни русских, их обычаям, увлечениям, порядкам, религии, нраву и языку. Уникальность конкретного контакта двух культур, особенности восприятия ученым мусульманином России в один из интереснейших периодов ее культурно-исторического развития могли бы стать важным предметом культурологического изучения.

Тантави прожил в России около 10 лет к тому времени, когда была закончена рукопись (1850). Можно предположить, что многие страницы стали плодом долгих наблюдений и постепенного вхождения в чужую культуру. Кроме того, Тантави не создавал путевых записок в западном понимании этого жанра литературы. «Описание России» вы-

1 | Рукопись содержит 194 пронумерованные в тексте страницы и 68 листов (из них 3 чистых) размера 27 x 21 см, 26 строк на странице, бумага линованная с водяным знаком ORIENTAL TYPE WRITING PAPER и флаг с буквами FH, переплета нет, имя писца не указано, но, несомненно, копия была сделана в Стамбуле в 1927 г. Здесь имеется титульный лист следующего содержания:

Эта книга «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую», написанная бедным рабом [Божьим] шейхом Мухаммадом 'Аййадам ал-Мисри ат-Тантави. Да отпустит Аллах его грехи и простит его пороки.

В этой рукописи также имеется оглавление сочинения, воспроизведенное И. Ю. Крачковским [Крачковский, 1958, с. 167–170].

«Описание России» состоит из введения, содержащего рассказ о путешествии Тантави из Каира в Петербург в 1840 г. и трех глав.

Первая глава посвящена истории древней Руси, вторая – истории Петербурга, и она распадается на три раздела: 1) о реке Неве, 2) о Петре I, 3) история Петербурга в 1725–1850 гг. (с перечислением важнейших архитектурных и скульптурных памятников). Третья глава посвящена обычаям русских и разделена на 10 разделов: 1) обычаи русских, 2) одежда русских, 3) религия русских, 4) брак у русских, 5) крещение, именины и похороны, 6) праздники, 7) театр, 8) прогресс русских в науках и искусствах, 9) жилище русских, 10) русский язык.

2 | Никаких признаков происхождения рукописи не было. Единственной зацепкой были «французские буквы "I. N.", вытесненные на корешке, которые дают право предполагать, что книга принадлежала Иринею Георгиевичу Нофалю (1828–1902), премнику ат-Тантави по преподаванию в Учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел. К нему она попала, очевидно, или от самого владельца, или из его библиотеки после смерти в 1861 г. Сам И. Нофаль умер в 1902 г., и, вероятно, после этого рукопись постепенно дошла до букиниста на проспекте Володарского» [Крачковский, I, 1958, с. 171].

Современный шифр этой рукописи, Кр. 47, и она также хранится в Российской Национальной Публичной библиотеке (РНБ) в Санкт-Петербурге. Рукопись не пронумерована по страницам, содержит 112 листов (из них 3 чистых) размера 24x17 см, на странице в среднем по 23 строки. Бумага турецкая с филигранью. Переплет картонный синего цвета с кожаным коричневым корешком, чернила черные и темно коричневые, почерк шейха Тантави – беглый, небрежный насх с элементами рик'а, огла-совка появляется лишь в отдельных словах, на полях часто бывают дополнения автора.

На форзаце имеются две записи Крачковского: первая с датой получения рукописи 27 августа 1928 г. и его подписью, а вторая гласит: «Подарено А. Я. Борисовым, купившим рукопись у антиквара Наумова на Литейном проспекте». На отдельных листах имеются некоторые замечания (карандашом сделанные Крачковским). Им же пронумерованы листы также карандашом. На форзаце остались следы карандашной пометы одного из ранних владельцев рукописи «География Ру/си?(или Ру/копись?)/».

держано в сухом, строгом и объективном тоне, здесь нет ни сюжета, ни действия. Сочинение написано, как следует из авторского предисловия, по просьбе османского султана, друзей шейха и других ученых, очевидно, для их услаждения и для удовлетворения бескорыстного интереса ко всему необычному, диковинному.

Здесь мы намерены ограничиться фрагментом рукописи, посвященным религиозной традиции русских. Религия представляется в данном случае важнейшим и определяющим фактором восприятия чужой культуры, влияющим на ход мысли, отбор и интерпретацию реалий, авторскую установку и т.д. Культурный контекст «Описания России» связан, в первую очередь, с арабо-мусульманской цивилизацией и со своеобразной культурой арабской учености. Тантави родился в Египте и получил богословское образование в крупнейшем и лучшем университете страны – ал-Азхаре. Этот факт сам по себе свидетельствует не только о сильнейшей самоидентификации арабского шейха, но и говорит о том, что шейх был знаком с наследием лучших и известнейших ученых, писателей и богословов арабского Востока, что подтверждается в его автобиографии [Крачковский, 1929, с. 89–93].

Православие, в свою очередь, занимало в культуре России середины XIX века центральные позиции, определяя глубинные пласты национального самосознания. Во фрагменте, посвященном религии, наиболее ярко и полноценно проявилось взаимодействие двух культур. К этому стоит добавить, что существовали, очевидно, предпосылки для процесса познания шейхом православной культуры еще до приезда в Россию. Если он не пребывал на родине в изолированной культурной среде, то мог наблюдать деятельность православной и коптской церквей Египта.

Преимущественный интерес к повседневным проявлениям православной культуры, которые Тантави мог сам наблюдать в Петербурге, не помешал ему обратиться и к истории русской церкви, а также высказать свое мнение по поводу отличия православной ветви христианства от римско-католической. Исторический взгляд на религию русских, проявившийся также в знании современной церковной иерархии, мог быть достигнут благодаря книжным и другим источникам, дополнявшим личные наблюдения. Относительно западной церкви можно предположить, что Тантави многое узнал у своих европейских учеников и адресатов ученой переписки. Что касается русского православия, то, судя по тексту, вряд ли автор пользовался серьезными историческими источниками. Во всяком случае, вопрос о возможных источниках Тантави может стать предметом отдельного изучения. Тантави подошел к описанию русского православного обряда с веротерпимостью истинного мусульманина и с объективностью ученого. Относительно первого качества можно привести любопытное заключение А. Клот-бея: «Арабы вообще более веротерпимы, чем другие мусульманские народы, а Египтяне или по природной мягкости своего характера, или по отношениям,

в каких они были с Европейцами во время экспедиции Наполеона, еще превосходят их в этом» [Клот-бей, ч. I, 1845, с. 190].

Не оставляет чувство, что религиозный вопрос Тантави принимает ближе к сердцу, нежели некоторые другие. Возможно, это выражается в прямых сравнениях с мусульманской религиозной культурой. Его больше волнует отсутствие благочестия, нежели иноверие. В то же время сравнения нечасты и ненавязчивы. Приведем соответствующий фрагмент «Описания России»:

«Ранее русские были идолопоклонниками до тех пор, пока не приняли христианство во времена [князя] Владимира по византийскому канону. Однако митрополит не является единственным главой, как в Риме папы, а высшая духовная власть принадлежит царю, как султану у мусульман. А под ним [в его подчинении находятся] три архиепископа, несколько епископов, совет духовных лиц [Синод]. Византийский канон, который исповедуют русские, не сильно расходится с латинским религиозным канонном. Эта разница может существовать между двумя направлениями одной веры. А заключается она в том, что византийцы верят так же, как и латиняне, в божественное воплощение и в то, что Иса спасет мир от грехов в последний день [День Страшного Суда], еще они верят в посмертное наказание и воздаяние, в Первородный грех и в то, что Бог всемилостив. Поистине, различие между ними заключается в вере в троиственную природу, и латинское учение говорило о том, что Святой Дух исходит от Отца и Сына, а византийцы утверждают, что он исходит от Отца при посредстве Сына. И нет большой разницы между ними и между католиками и греческой церковью, которые крестятся, сжимая вместе три первых пальца, т.е. кроме мизинца и безымянного пальца на правой руке, затем они ведут их от груди до правого плеча, а от него к левому плечу».

Обращает на себя внимание резкий переход от фразы о религиозном выборе Руси к вопросу о чинопоследовании. Как известно, выбирал Владимир из трех вер – ислама, иудаизма и христианства. Примечательно, что Тантави не останавливается на этом моменте, который мог бы показаться любопытным для ученого мусульманина, и даже не упоминает ислам как возможный выбор Владимира и возможную официальную религию Руси. Это может объясняться элементарным незнанием данного факта истории либо сознательным умалчиванием в связи с тем, что это могло ударить по религиозному самосознанию шейха. Если верно последнее предположение, остается отметить такт автора, его объективность и внешнюю бесстрастность в столь существенном вопросе.

Система чинопоследования в России менялась много раз. Долгое время был принят византийский порядок, где «император считался «епископом дел внешних», т.е. особой священной, занимавшей высший ранг в церковной иерархии. Константинопольский патриарх правил

церковью, руководствуясь волей и желанием императора» [Замалеев, 2005, с. 16]. Что касается титула митрополита, который, как правильно указывает Тантави, управлял церковью во времена правления Николая I, то необходимо пояснить, что «во главе православной церкви до введения сана патриарха (1589) стоял митрополит. Со времени учреждения Петром I Святейшего Синода (1721) возведение архиереев в сан митрополита прекратилось и вновь началось при Елизавете Петровне (1741–1761)» [Скляревская, 2000, с. 142]. Тантави не впадает во все эти перипетии истории русской церкви, связанные с ее становлением, достижением статуса самостоятельной (автокефальной) церкви и сложными отношениями со светской властью. Автор «Описания» предпочитает акцентировать некое сходство со структурой мусульманского государства. Здесь мы видим сравнение императора с султаном, который также одновременно находится во главе религиозной и светской власти.

С точки зрения Тантави, византийский канон не сильно расходится с католическим канонем. Он даже отмечает, что такое возможно в рамках одной религии между разными религиозными течениями. Очень интересно, что последнее замечание сделано, скорее всего, с отсылкой к мусульманской религии, в которой известно большое количество религиозных течений, сохраняющихся в рамках ислама, но имеющих разногласия по поводу сущности верховной власти, которые связаны с представлением об Аллахе или возникли по поводу каких-то юридических аспектов. Тантави вполне верно передал основные положения христианства и написал о различиях между восточным и западным христианством, которые «выявились еще в эпоху вселенских соборов (IV–VIII вв.). Яблоком раздора стал провозглашенный папством догмат *filioque*, утверждавший исхождение Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына, что категорически отвергалось Константинополем» [Замалеев, 2005, с. 15]. Для православных Бог един в трех ипостасях. Но, вернувшись к «несильному расхождению» между католиками и православными, о котором пишет шейх, заметим, что он заблуждается относительно крестного знамения. «Католики и протестанты – [крестятся] всей ладонью и слева направо» [Скляревская, 2000, с. 125], в отличие от православных, чей обряд крестного знамения Тантави описал правильно. Решающим моментом в интерпретации различий становится тот факт, что автор находится в позиции внешнего наблюдателя, который склонен не придавать принципиального значения расхождениям внутри чужой культуры.

Хотелось бы отметить, что он использует коранический вариант, называя Иисуса везде Исой, при том что, например, у арабских христиан используется форма Йасу'. Таким образом, Тантави остается верен мусульманской традиции, хотя и не употребляет обязательных почтительных слов после каждого упоминания пророка Исы.

Наибольший интерес у Тантави вызывает богослужебный канон и повседневные проявления православной культуры. Он пытается описать то, что сразу бросается в глаза наблюдательному приверженцу иной религии. Описание неизбежно фрагментарно и, возможно, отражает те пласты родной культуры автора, которые связаны с его жизненным миром, с привычным и глубоко укоренившимся циклом жизненного поведения. Однако Тантави касается и таких серьезных моментов православной культуры, как таинства, при этом не погружаясь в их глубинный смысл. Вот как он описывает богослужение, убранство храма, домашнюю религиозную атрибутику и поведение верующих:

«Проповеди у русских [ведутся] на славянском языке, так же как проповедование у мусульман на арабском языке. И они сопровождаются процессиями, великим благолепием, зажженными свечами и сосудами, чаще всего позолоченными и инкрустированными драгоценными камнями, также сопровождаются изображениями и образами, необходимыми у русских в церкви и дома. Так церкви заполнены ими [образами], иногда они [встречаются] даже на рынках, а в каждом доме в особой комнате имеются изображения Девы Марии и Христа, покрытые золотом, серебром или инкрустированные драгоценными камнями в зависимости от достатка [хозяев]. Иногда [встречаются] другие изображения, и входящий поворачивается к тому углу, в котором [находится это] изображение, и в первую очередь приветствует его наклоном головы и крестится несколько раз. А затем [русские приветствуют] хозяев дома и делают так же при прощании и уходе, когда проходят мимо церкви или часовни на рынке. Однако так все происходит у простого народа и купцов, а что касается дворян и знатных людей, то они ничего такого не делают».

Тантави сравнивает язык проповедования у русских и мусульман, имея в виду церковнославянский и классический арабский язык. И у арабов, и у русских язык проповедования был книжным языком и языком духовного сословия (церковнослужителей в России и улемов в Египте), что не остается без внимания шейха. Далее он описывает внутреннее убранство храмов и роскошную обрядность, которая сопровождает все церковные богослужения и процессии. Глубинную суть внутреннего убранства человеку другой религии познать трудно. Известный религиозный мыслитель протоиерей А.В. Мень писал о русских храмах: «Древнерусский храм был развитием византийского с его центрическим купольным построением. Внутри такого храма, как и в Византии, изображали все бытие, Вселенную, человека и историю его спасения. Так же глядел с вышины строгий лик Вседержителя, так же предстояли Ему сонмы святых и бесплотных сил. На четырех сторонах центрального свода писали четырех евангелистов. По стенам развешивались картины библейских и церковных событий, а на западной стене в огромной многоплановой композиции нередко находилась фре-

ска Страшного Суда» [Мень, 1991, с. 17]. А вот каковы впечатления французского путешественника маркиза де Кюстина от роскоши русского храма: «В восточной церкви все служит символом. Блеск церковной службы, казалось мне, еще увеличивает величие дворцового торжества. Стены, плафоны церкви, одеяния священнослужителей – все сверкало золотом и драгоценными камнями. Здесь было столько сокровищ, что они могли поразить самое непоэтическое воображение» [Кюстин, 1990, с. 100]. Следует заметить, что православные храмы и богослужения в старину выглядели более строго. Роскошь стала своеобразным знаком эпохи. Это могло поразить воображение египтянина, ибо в мечетях на его родине отсутствовала пышность внутреннего убранства. По свидетельству французского автора, там не было ни украшений, ни стульев, ни лавок [Клот-бей, ч. I, 1845, с. 180].

Под словом «образы» Тантави имеет в виду, конечно же, иконы (образа). Очевидно, разнообразие, художественность и «благотворение» русских православных икон могло поразить взгляд иностранца, а тем более мусульманина, в религии которого запрещены какие-либо изображения.

Шейх, скорее всего, часто наблюдал, как русские крестятся при входе в дом, правда, он не интересовался подробностями и поэтому не дал точного названия места, где был расположен иконостас. А называется это место красный угол: «(от ст.-слав. *Краснь* – красивый, прекрасный) – часть жилого помещения, где установлена икона, либо домашний иконостас, а также сам этот иконостас. Как жилое помещение православного христианина считается символом православного храма, так и красный угол рассматривается как аналог алтаря. Красный угол – самое важное и почетное место в доме» [Покровский, 2007]. Каждому православному предписано церковное благочестие, т.е. «отношение к храму, к святыням, которые в нем находятся, отношение к самому себе как к участнику церковных богослужений, как к христианину, как к дому Святого Духа, отношение к богослужению, к иконам, ко всем предметам, которые так или иначе связаны с христианским вероучением» [Книга о церкви]. Поэтому православный человек крестится каждый раз при виде иконы, проходя мимо церкви или «часовни на рынке»³, проявляя таким образом христианское благочестие.

Автора «Описания России» также волнует национальный культурный облик жизненного цикла в России. Он описывает крещение человека почти при рождении, повествует об именинах, дне рождения и похоронах:

«Когда рождается новорожденный, приходит священник и нарекает ему имя в соответствии с пожеланиями его родных. И он берет мла-

3 | В этом месте в рукописи Тантави, возможно, имеется в виду церковь на Сенной площади, которую заложили «во имя Успения Божьей Матери... [и она] стояла на большой торговой площади ... входила в число особенно посещаемых храмов Петербурга» [Павлов, 1995, 65]. А.А. Бахтияров в книге «Брюхо Петербурга» (1887) упоминает и другую часовню – при церкви Андрея Первозванного на Андреевском рынке [Бахтияров, 1994, с. 37].

денца и благословляет его. После этого через некоторое время он крестит [его] дома и в церкви. Он приносит таз с водой, которую он освящает. Затем он кладет ребенка в воду, а достает его оттуда крестная мать, т.е. мать по крещению, и заворачивает в новую рубаху и [надевает] шапочку. Она дает священнику платок, с помощью которого он проводит по руке младенца. И берет его [младенца]. Также присутствует крестный отец, который отдает плату священнику и покупает крестик для младенца. Все люди с этого момента [момента крещения] носят на шеях крестики, особенно женщины. Однако взрослые люди не показывают их. После этого крестная мать обходит с младенцем три раза, держа в руке свечку. То же самое делает и крестный отец. В это время священник поет и помазывает [младенца] освященным маслом. Затем ночью бодрствуют, танцуют и пьют вино. Между крестным отцом и матерью обычно [возникает] родство, и из-за этой родственной связи им запрещено жениться. И то же самое между [крестным] отцом, матерью и крестником, поэтому крестник называет своих крестных отцом и матерью».

Обряд крещения в России может совершаться не только над младенцем, но и над взрослым, однако в XIX веке чаще всего крестили в младенчестве. М. Забылин собрал в конце XIX века информацию об этом обряде. «Русские спешили крестить младенца, и чаще всего крещение происходило на восьмой день, но иногда и в сороковой, так как эти числа напоминали в младенческой жизни Иисуса Христа события обрезания и сретения. Имя давали чаще всего случайно, по названию святого, память которого случалась в день крещения. Крещение происходило у всех сословий в церквях, и в домах допускалось только по болезни или крайней слабости новорожденного и непременно не в той же комнате, где он рожден, так как та комната долгое время считалась оскверненной» [*Русский народ*, 1994, с. 404]. А православные источники посвящают нас в необходимость белой рубашки, в которую заворачивают крестника: «Светлая рубашка или риза символизирует новую одежду души, полученную от Бога в Таинстве Крещения. Перед началом его была снята старая одежда, как груз греха, к которому уже не надо обращаться, а из купели вышел новый человек — ему нужна и новая одежда, светлая и чистая» [*Книга о церкви*]. Что касается платка, который дает священнику крестная мать, возможно, Тантави имеет в виду белый платок, который священник возлагал на шею восприемника и «связывал его обеими концами, а по окончании обряда платок этот снимался и оставался в церкви» [*Русский народ*, 1994, с. 404]. Либо это мог быть обыкновенный платочек, которым протирали руки младенца после троекратного погружения в воду. При крещении, действительно, на новорожденного надевают медный, серебряный или золотой крест, который чаще всего остается на нем всю жизнь. Тантави демонстрирует наблюдательность, подмечает, что особенно женщины носят крест-

стики, а взрослые люди и вовсе прячут его под одеждой. Такие детали описания русскому человеку или европейцу должны показаться излишними, но надо вспомнить о том, что автор рукописи мусульманин, а в исламе не положено носить подобных отличительных знаков. Тантави верно отмечает и то, что крестные родители и крестник с момента крещения становятся как бы родственниками и не имеют права вступать в брачные отношения.

«Младенца называют именем святого, например, Петр или Мария. Для этого имени устраивается день, который празднуется каждый год и это – день рождения этого святого, например, день рождения Девы Марии 3-го Декабря. И если мы назвали младенца именем [какого-то святого], то день этого святого становится и праздником его имени [именинами]. День рождения также устраивается каждый год. И [приходят] друзья, знакомые и родственники, чтобы поздравить, и иногда они устраивают праздничные вечера и танцуют или [устраивают] пир и пьют вино за здоровье хозяина праздника. У разных людей по-разному».

В данном отрывке необходимо пояснить, что под «праздником имени» или «днем имени» Тантави имеет в виду именины, но иногда по незнанию этот день называют днем ангела, что неверно. Составитель православной энциклопедии Наталья Будур пишет, что «многие миряне у нас обыкновенно смешивают святых людей, именами которых мы называемся, с нашими Ангелами-Хранителями. Смешение это особо ясно из того, что день «именин» известного человека, то есть день, посвященный памяти святого, имя которого он носит, называют часто «днем ангела» этого человека» [Будур, 2003, с. 85]. В этом отрывке Тантави явно ошибся, написав, что 3 декабря день рождения Девы Марии, ведь он сам позже в части, посвященной праздникам, отметит другую правильную дату ее рождения – 8 сентября. А с датой 3 декабря не связан день рождения ни одного святого, и лишь 8 декабря католики празднуют день непорочного зачатия Девы Марии. Обычай празднования дня рождения человека остается неизменным и до сих пор, поэтому он не нуждается ни в каких дополнительных комментариях.

«Когда человек умирает, то приходит священник и отпевает его. Также он приходит перед тем, как человек испускает душу, для соборования. Затем его моют и обряжают в такую же одежду, которую он носил при жизни, вплоть до обуви. Кладут его с открытым лицом в хороший гроб и зажигают вокруг него три свечи [Александрийский]. При нем все это время находится священник [причт] и читает над ним. Каждый день приходит священник и молится за него [служит заупокойный молебен]. Пока не истечет три дня, его не хоронят, по причине того, что он, возможно, жив. На третий или четвертый день [человек], ответственный за погребение, готовит церковь. Скамьи, на которых сидят люди, покрывают черным сукном и также подготавливают коляску, покрывая ее черным сукном. И впряженных в нее лошадей тоже покрыв-

вают черным сукном. Похоронную процессию сопровождают факелами, и священник держит факел, это зависит от положения умершего. Чем тот знатнее, тем больше факел. Коляску накрывают красивым шатром. Затем несут гроб из дома в церковь в сопровождении скорбящих [провожающих]. Иногда гроб приносят в день смерти и кладут в притвор церкви до дня погребения. Печатают приглашения на окаймленных черным листках. И люди присутствуют, когда священник отпевает. И зажжены свечи. Затем после окончания отпевания мужчины несут гроб из церкви в коляску, ожидающую у ворот, чтобы везти [на кладбище], и ставят его туда. Некоторые провожающие идут пешком, затем садятся в коляску. Некоторые просто едут, а другие идут пешком до кладбища. Там происходит погребение. Приходит священник, и при опускании гроба в могилу он и присутствующие посыпают его землей. Затем опускают его. По обычаю устраивают угощения у могилы для провожающих, они едят и пьют вино за помин души, готовят рис с изюмом [кутья]. Каждый, мимо кого пройдет процессия, снимает шляпу, то же самое делают провожающие. Иногда кладут какие-нибудь зеленые ветки дерева по дороге в церковь».

Тантави в этом рассказе только касается обряда соборования или елеосвящения, представляющего собой «таинство, в котором Церковь призывает на больного благодать Божию, которая исцеляет болезни души и тела, через помазание освященным маслом. Когда больной находится при смерти, сначала совершается Исповедь и Причащение, а затем Соборование» [*Книга о церкви*]. Иногда этот обряд для очищения души совершают каждый год, а не только в период болезни или перед смертью. Большинство источников сообщают сходную информацию об обрядах, связанных со смертью человека: «Мертвеца обмывали теплой водой, надевали чистую сорочку и завертывали в белое покрывало, или саван, обували в сапоги или башмаки, на голову ему надевали корону» [*Русский народ*, 1994, с. 427]. Известно также о том, что в некоторых районах был принят обычай класть венчальные свечи в гроб. Этот факт может чуть-чуть прояснить обряд, описанный Тантави: он сообщает, что вокруг покойника ставили три свечи, при этом после слова свечи в тексте стоит несогласованное определение «александрийский». Нами, к сожалению, не было найдено никаких сведений по поводу порядка постановки свечей или чего-либо, что может связать слово «александрийский» с погребальными свечами. Поэтому можно заключить, что Тантави здесь ошибся либо сообщил о факте, неизвестном большинству исследователей и православных авторов. Достоверно известно лишь то, что православная церковь предписывает «во время молитвы всем молящимся держать в руках зажженные свечи» [Будур, 2003, с. 208]. Кстати, тот же автор приводит другую числовую символику: во время крещения – три свечи в честь Святой Троицы, во время соборования – семь в честь семи даров Святого Духа, а во время погребения – четыре

как символ креста. Может быть, шейх имел в виду египетскую Александрию: ведь в Александрийской православной церкви складывался канон православного богослужения в Египте. Возможно, Тантави ассоциирует русский обряд со сходным на его родине. Он приводит еще один интересный факт, когда рассказывает о традиции хоронить на третий день. Православные источники редко объясняют данную традицию, а шейх полюбопытствовал у людей, и ему, видимо, объяснили, что данный срок необходим для того, чтобы проверить, точно ли умер человек. Далее Тантави описывает процесс приготовления к похоронам. Скорее всего, обычай покрывать все черным сукном пришел из Европы и существовал только в столице и, может быть, крупных городах, так как в источниках по народным деревенским похоронам ничего не сказано о такой традиции. А вот сведения о факелах вокруг похоронной процессии и еще некоторые интересные подробности мы находим у некоей Элизабет Джастис, жившей в Петербурге гувернанткой у английского купца Эванса с 1734 по 1737 год. «Я не видела похорон, пока не пробыла там [в Петербурге] два года, хотя и жила в очень населенной части города и близко от двора. И в тот день я не видела ничего, кроме необычного света. Подойдя узнать, что это такое, обнаружила, что это многочисленные факелы: их средь бела дня несли перед телом. Я сочла это в высшей степени абсурдным. Но человек, в чьей компании я была, рассказал мне, что русские кладут в гроб, а это еще более абсурдно: туда кладут пару башмаков, несколько свечей и пропуск. Последний – чтобы покойника впустили, но я не знаю куда. Полагаю, русские считают, будто существует несколько степеней счастья, ибо такой пропуск можно купить в лавке или на рынке, и его действительность зависит от цены» [Джастис, 1988, с. 203]. Тантави ничего не пишет о таком пропуске, хотя во многих источниках мы находим сведения о нем. Но называется этот пропуск отпустительной грамотой, и клал ее в руки покойника чаще всего священник [*Русский народ*, 1994, с. 427]. Фраза по поводу того, что иногда гроб приносят в церковь и ставят там до дня погребения, должно быть, относится к традиции зимой не спешить с похоронами. «Покойника ставили в церковь, где духовенство служило каждодневную литургию и панихиды; на восьмой день предавали тело земле» [*Русский народ*, 1994, с. 427]. Тантави рассказывает о традиции печатать определенного вида приглашения, что вполне соответствовало этикету того времени, но, к сожалению, не описывается более подробно ни в одном из найденных нами источников. А вот по поводу действий, совершаемых непосредственно при погребении, написано много, и здесь можно отметить точность и достоверность, с которой шейх описывает весь процесс, вплоть до традиции выкладывать зеленые ветки по дороге в церковь.

Внешняя атрибутика и символика религиозной культуры, ее поведенческий пласт создают особую атмосферу новизны для иноземца, отражают больше всего тот момент знакомства с иной культурой, ко-

торый можно назвать культурным шоком. Вместе с тем долгие наблюдения автора способствовали тому, что он стал воспринимать и описывать все, что сразу обратило его внимание, как обрядовую и символическую атрибутику культурной системы, так и фрагменты полноценного жизненного цикла религиозной культуры. Следование канону для Тантави – это признак благочестия и глубокой веры. Его внимание привлекают вопросы религиозной морали, что естественно для строгого приверженца классического ислама. В то же время позиция ученого заставляет шейха скорее констатировать или философствовать, сетовать по поводу негативных моментов, нежели выражать свое мнение в проповедническом тоне.

Тантави старался в мельчайших деталях изложить все то, что увидел или узнал в России и про Россию. Шейх собирал этнографический материал. При этом он не делал обобщающих выводов, не доискивался истоков обычаев и традиций и не пытался понять и объяснить суть вещей, культурных символов и действий. Его произведение лишено духа критики и анализа. В отличие от некоторых западных путешественников, он не заостряет внимания на культурном контрасте Запада и Востока, хотя и приводит данные о европейском влиянии.

В отличие от европейских путешественников, которые ужасались дикими и варварскими условиями жизни русских крестьян и уподобляли их рабам, Тантави явно не может прочувствовать этих антигуманных, именно в европейском понимании, условий существования русского народа. На Востоке еще с древности взращивался культ обожествленного правителя и торжествовала концепция «богоданности» царской власти [Фадеева, 1993, с. 31]. Все древние деспотии Востока были теократиями. Таким образом, на Востоке образ правителя низводил человека почти в ничто, зачастую приучая к мысли о своей ничтожности. Поэтому нет ничего странного в том, что Тантави не удивляется увиденному в России, он спокойно сравнивает русских крестьян с рабами, не вкладывая в это никакого негативного оттенка. Шейху не с чем сравнивать, поскольку на его родине такая же ситуация. Таким образом, мы видим, что Россия в восприятии египетского шейха все же во многом сходна с Востоком.

Тантави, описывая обычаи, традиции и быт России, иногда обращается к аналогам в своей культуре. Он видит много схожих вещей и порой пишет о них открыто, например, когда сравнивает колокольню с минаретом или русские способы награждения и поощрения ученых и студентов с египетскими. Но чаще всего мы видим параллели, невысказанные шейхом вслух, но подразумеваемые. Ведь Тантави писал эту работу для всех мусульман и своих соотечественников, в частности, и понимал, что они без лишних слов поймут все акценты, расставленные им, и удивятся тому, чему удивлялся шейх. В этих моментах и раскрывается во многом особый взгляд человека восточной культуры.

В заключение повторим, что труд Тантави является неоценимым вкладом в изучение русской культуры. Он с изумительной любознательностью описал мельчайшие детали русского быта, обрядов, обычаев, традиций и строя жизни. Несмотря на все ошибки и неточности, шейх создал единственное в своем роде произведение для арабского читателя, так как мусульманский Восток не имеет ни одной другой работы, посвященной описанию России XIX века.

Список литературы

- Бартольд В.В. Мусульманский мир. // *История* / Под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, М.Д. Приселкова. Вып. 22. Петербург, 1922.
- Бахтияров А.А. *Брюхо Петербурга*. СПб., 1994.
- Будур Н. *Православный календарь*. М., 2003.
- Веселовский Н.И. *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*. СПб., 1879.
- Всенощное бдение*. Саратов, 1992.
- Григорьев В.В. *Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка*. СПб., 1870.
- Джастис Э. Три года в Петербурге / Вступ. ст., пер. и примеч. Ю.Н. Беспярых // *Нева*. 1988. № 5.
- Замалеев А.Ф. *История русской культуры*. СПб., 2005.
- Ильин В. Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона // Ильин В. *Эссе о русской культуре*. СПб., 1997.
- Клот-бей А.Б. *Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии*. В 2-х ч. / Пер. с франц. А. Краевского. СПб., 1845.
- Книга о церкви* // <http://www.ortho-rus.ru/book/home1.htm>, 12.04.2007
- Крачковский И.Ю. *Шейх Тантави профессор Санкт-Петербургского университета (1810–1861)*. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Крачковский И.Ю. *Арабские писатели и русский арабист* // *Крачковский И.Ю. Избранные сочинения в 6 т. Т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958.*
- Кюстин А. де. *Николаевская Россия*. М., 1990.
- Мень А.В., протоиерей. *Таинство, слово и образ*. Л., 1991.
- Покровский Д. *Словарь церковных терминов* // www.philosophy.ru/edu/ref/slovar/index.html, 3.04.2007
- Реда М.М.А. «*Описание России*» Шейха Тантави как памятник арабской литературы XIX века. Дис. на соиск. учен. ст. канд. филолог. наук. Л., 1984.
- Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия.* / Собр. М. Забылиным. СПб., 1994.
- Скляревская Г.Н. *Словарь православной церковной культуры*. СПб., 2000.
- Фадеева И.Л. *Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время*. М., 1993.
- Федосюк Ю.А. *Что непонятно у классиков, или энциклопедия русского быта XIX века*. 7-е изд. М., 2003.
- Encyclopedia of Islam and the Muslim World* / Ed. R.C. Martin. Vol. 1–2. N.Y., 2004.
- Encyclopaedia of Islam*. Koninklijke Brill NV. Leiden, The Netherlands., 1999.